

УДК 355.257.72(520)(571.65)+94(571.65)084.6

СРАВНЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ УСВИТЛА НА КОЛЫМЕ в 1945–1949 гг.

И. Д. Бацаев

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: batsaev@neisri.ru*

На основе архивных источников проведен сравнительный анализ правового положения, режима содержания, условий труда и быта японских военнопленных и заключенных УСВИТЛа в системе Дальстроя МВД СССР.

Ключевые слова: Дальстрой, лагерь, заключенные, японские военнопленные, лагерный режим, бытовые условия.

Военнопленные в СССР составляли особую категорию рабочей силы, которая сыграла определенную роль в восстановлении народного хозяйства страны в послевоенный период. Правовое положение военнопленных на территории СССР регулировалось внутренним законодательством*. Следует отметить, что советское политическое руководство рассматривало военнопленных не только как трудовой ресурс, но и как возможных проводников социалистической идеологии в будущем. Эта политическая установка сыграла важное значение в судьбах многих военнопленных.

После капитуляции Японии (2 сентября 1945 г.) на территорию СССР стали поступать японские военнопленные**. Для их содержания было со-

здано 71 лагерное управление военнопленных, из них 34 на Дальнем Востоке и в Сибири. Большинство японских военнопленных сосредоточивалось в пределах Приморского, Хабаровского, и Красноярского краев, Иркутской, Читинской и Амурской областей.

Не стал исключением и комбинат особого типа – Дальстрой. Подготовка к приему военнопленных на Колыме проходила в особых условиях. В начале боевых действий против Японии руководство ДС серьезно опасалось выступлений заключенных УСВИТЛа. Ситуация напоминала 1941 год, когда из донесений работников УНКВД явствовало, что часть заключенных связывала свою судьбу с возможным десантом японцев на Колыму. Агрессивно настроенные заключенные открыто угрожали коммунистам, работникам лагеря, стрелкам ВОХР кровавой расправой. Выступая перед руководящим составом ДС в 1941 г., генерал И. Ф. Никишов отмечал, что «люди начали говорить о том, что японцы высадились в Гижиге, на Сахалине, в Охотске, скоро высадутся на Колыме. Лагерь в условиях войны может быть фронтом. Если бы завтра у нас образовался фронт на Дальнем Востоке и была бы попытка противника высадиться на Колыме, то мы с вами не имели бы тыла, у нас кругом был бы фронт» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 166, л. 19).

Ситуация осложнялась тем, что после капитуляции Германии в лагеря Колымы стали поступать заключенные, осужденные за особо тяжкие уголовные и военные преступления (бандиты, рецидивисты, каторжники), а также изменники Родины, члены националистических вооруженных формирований, «власовцы», легионеры войск СС

© Бацаев И. Д., 2014

*На международной конференции в Женеве (1929 г.) были приняты конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Последняя была признана руководством СССР 26 марта 1932 г. Конвенция «Об обращении с военнопленными», вплоть до подписания новой в 1949 г., не признавалась. Международное соглашение подменялось внутренним законодательством – «Положение о военнопленных» от 27 марта 1931 г., Постановление СНК СССР от 1 июля 1941 г. и др.

**Следует отметить, что в решениях Потсдамской конференции (Декларация от 26 июля 1945 г., п. 9) было записано, что японские военнослужащие после разоружения получают возможность вести мирную трудовую жизнь на территории Японии. 8 августа 1945 г. СССР официально объявил о своем присоединении к Декларации, выработанной представителями США, Англии и Китая. Однако 23 августа 1945 г. ГКО принял постановление № 9898 сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором дается указание этапировать на территорию СССР около 500 тыс. японских военнопленных Манчжурской армии.

и т. д. В этой обстановке начальникам горнопромышленных управлений, лагпунктов и командирам подразделений ВОХР предписывалось весь этот контингент заключенных взять под усиленный контроль на производстве и внутри лагеря.

31 октября 1945 г. в соответствии с распоряжением НКВД СССР и приказом по ГУ СДС № 0022 на Колыме создается Отдел лагерей для военнопленных японцев № 855-Д. Его начальником стал зам. начальника УСВИТЛа подполковник П. С. Бондаренко (Козлов, 2001). Отдел лагерей первоначально размещался в четырех километрах от г. Магадана, а затем был переведен в помещения бывшего городского ОЛПА Маглага (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 188, л. 120). В ноябре 1945 г.* отдел ликвидировали (Приказ ГУ СДС № 0070 от 15 ноября), а на его базе создали отделение лагерей военнопленных в составе ОЛП № 1 – Магаданская складская контора (МСК), ОЛП № 2 – Управление Нагаевского торгового порта (УНТП), ОЛП № 3 – Магаданский леспромхоз, ОЛП № 4 – Управление шоссейных дорог (УШОСДОР). Начальником отделения был назначен младший лейтенант УНКВД по ДС В. Н. Гончаров (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 186, л. 124–125).

6 декабря 1945 г. приказом по ГУ СДС № 078 ОЛП № 2 расформируется. На его основе создаются лагерные пункты на лесозаготовительном участке Колымснаба (39 км основной трассы) численностью 250 чел. и ОЛП при УРПХ в пос. Ола – 250 чел. (Там же). На 1 января 1946 г. на Колыму было доставлено пароходами Дальстроя 3989 военнопленных японцев. Это были в основном молодые, здоровые, физически полноценные люди в возрасте 20–40 лет, разных гражданских профессий – продавцы, железнодорожники, связисты, сварщики, шоферы, счетоводы, рыбаки, парикмахеры, лесорубы и т. д.

Японские военнопленные прибыли на Колыму в непростой период. В 1945 г. Дальстрой испытывал серьезные кадровые проблемы. Зам. начальника ГУ СДС по кадрам полковник Н. А. Никешичев отмечал в своем докладе в МВД СССР, что большинство работников ДС (вольнонаемных) нуждаются в серьезном отдыхе и специальном лечении. Значительная часть их должна быть заменена в течение двух-трех лет (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 5016, л. 15). В 1941–1945 гг. смертность среди вольнонаемных на 1000 чел. увеличилась с 6,1% в 1941 г. до 13,3% в 1945 г. (1944 г. – 17,9%). В связи с тем, что в 1946 г. вновь заработал конвейер доставки на Колыму заключенных и спецпереселенцев, большая часть вольнонаемных рабочих была уволена и вывезена с Колымы (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 188, л. 237).

*НКВД СССР принял решение, что основной рабочей силой ДС по-прежнему должны быть заключенные.

Отправка в центральные районы страны значительной части вольнонаемных, плохое физическое состояние и низкая квалификация вновь прибывших заключенных привели к дефициту забойщиков, бурильщиков и других рабочих горных профессий. Они частично замещались военнопленными.

Размещались военнопленные в лагерных бараках УСВИТЛа на общих для заключенных основаниях. Первоначально они столкнулись с типичными колымскими проблемами. В приказе по ГУ СДС № 0062 от 10 ноября 1945 г. «О недочетах в организации бытовых условий в лагерях военнопленных» отмечалось, что в лагерях не созданы элементарные жилищно-бытовые условия. Проверкой было установлено, что в лагере № 1 (4 км основной трассы) нет сушилок, тумбочек, шкафчиков, полок. Стирка и сушка одежды осуществлялась в жилых бараках. Питьевой водой «лагерь снабжался недостаточно, военнопленные вынуждены были топить снег в котелках. ...Столовая не обеспечена инвентарем – столов и скамеек не хватает, освещение отсутствует. Прием больных производится в маленькой необорудованной комнате. У многих появились вши» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 186, л. 110, 111).

Еще более тяжелое положение было в лагерных пунктах № 19, 30, 40 ДЭУ УШОСДОРа. В жилых палатках не было полов, потолков, нар и печей для обогрева. Приготовление пищи (в условиях зимы) осуществлялось на кострах под простейшими навесами, а ее раздача – в приспособленных емкостях, в основном в консервных банках. На производственных участках продукты на обед «выдавались на руки, и военнопленные сами кое-как пытались готовить себе пищу» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 186, л. 134–135). К ним относились как к простым советским заключенным. В распоряжении № 077 по ГУ СДС от 4 декабря 1945 г. подчеркивалось, что «несмотря на имевшиеся на этот счет приказы, обязывающие руководство УШОСДОРа принять соответствующие меры для создания нормальных жилищно-бытовых условий в лагере военнопленных, должных мер с их стороны до сих пор не принято» (Там же, л. 134).

Аналогичное положение было в лагере № 3 Магаданского леспромхоза. «В палатках темно, грязно. Отопительных приборов нет. Сушилки не оборудованы, нет полов, не засыпаны землей крыши. Умывальников нет. Столовой нет, а кухня не оборудована, в ней холодно, темно и грязно. Помещения для разделки продуктов и хлебозерки нет, продукты разделяются на кухне на полу. Кухонного и столового инвентаря и ложек нет, военнопленные едят руками. Стационара для больных и приемного покоя нет». Начальник Магаданского леспромхоза Н. Милушин заявил, что

«предъявленные к нему требования в части дополнительного оборудования жилых помещений для размещения военнопленных, оборудования столовых, стационаров и приемных покоев выполнять не будет» (Там же, л. 129).

Руководство Дальстроя было вынуждено принять жесткие и срочные меры по выполнению приказа НКВД СССР № 0249 от 29 сентября 1945 г. «Положение о трудовом использовании военнопленных». Начальникам МСК, УНТП, Магаданского леспромхоза, УШОСДОРа приказывалось в двухнедельный срок привести лагерные зоны в надлежащий порядок, устранить основные недостатки в размещении военнопленных. «Не допускать ухудшения их физического состояния и смертности» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 186, л. 143). В результате в конце декабря 1945 г. во всех лагерях военнопленных были оборудованы общежития из расчета 2 м² на одного человека, стационарные кухни, дезокамеры для санобработки, фельдшерские пункты, места обогрева и приема пищи. Основные проблемы бытового характера были решены.

Условия труда военнопленных регулировались приказом НКВД СССР № 0249 и инструкцией Дальстроя № 011 от 8 января 1946 г. Сначала в духе дальстроевских традиций хозяйственные органы составляли ведомости на денежное вознаграждение военнопленным с опозданием на 2–3 месяца, повсеместно допускалось занижение норм выработки. Это было серьезным нарушением правил трудового использования военнопленных. Распоряжением и.о. начальника ГУ СДС генерал-майора Семенова № 0133 от 28 ноября 1947 г. вводилась персональная ответственность (вплоть до уголовной) руководителей предприятий за неправильную оплату труда военнопленных (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 195, л. 171, 172).

Лагерный режим военнопленных не отличался строгостью. Например, на строительстве главного корпуса управления Нагаевского морского порта работали 90 чел. военнопленных вообще без охраны, на 10 производственных объектах УНТП (400 военнопленных) имелось всего 6 конвоиров, на 11 объектах МСК (858 чел.) – 10, на строительстве жилого дома в Магадане (250 чел.) – 3 и т. д. В актах служебных проверок указывалось, что «наряды конвоя службу несут небдительно, конвоиры на объектах работ вращаются с оружием среди пленных, сидят у костров. В пути следования не придерживаются установочной дистанции, идут вплотную и оружие держат не в руках, а на ремне. Дисциплина среди личного состава военнопленных... слабая. Командиры рот не требуют от рядового и младшего начсостава дисциплины и порядка» (Там же, л. 108). Военнопленные могли свободно покидать расположение объектов, общаться с вольнонаемными, за-

ниматься меновой торговлей. Проведенной в октябре 1948 г. проверкой складского хозяйства Нагаевского морского порта были установлены многочисленные факты хищений материальных ценностей, «которые вошли в систему... особенно среди военнопленных японцев» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 204, л. 7). Следует отметить, что особо суровых мер по подобным фактам к японцам не применяли.

В отличие от заключенных Севвостлага, для военнопленных устанавливался особый порядок работы «с учетом северных условий». На наружные работы японцев выводили «только одетых и обутых по-зимнему», не имевших теплого обмундирования использовать на наружных работах категорически запрещалось. Начальникам участков строго предписывалось «принять все необходимые меры к недопущению случаев обморожения, проверять наличие обогревалок на объектах работ, там, где их нет, – оборудовать» (Там же, д. 186, л. 142). В суровых природно-климатических условиях Севера японцы были на 100% обеспечены зимней одеждой.

А в это время в ИТЛ и поселках сложилось катастрофическое положение со снабжением вольнонаемных и заключенных продовольствием, обмундированием и предметами первой необходимости. Зима 1946/47 г. по своим климатическим условиям оказалась очень тяжелой. Большие снежные заносы систематически нарушали транспортные связи. Практически полностью остались без снабжения прииски Индигирского и Тенькинского горнопромышленных управлений. Из зимней одежды до нормы не хватало: бушлатов – 38%, телогреек ватных – 33%, шаровар ватных – 47%, шапок-ушанок – 51%. Запасы продовольствия на снабженческих базах выражались ничтожными цифрами и обеспечивали 3–5-дневную потребность. Положение усугублялось прекращением поставок по ленд-лизу из США, покрывавших в период войны более чем на 80% потребности Дальстроя в технических грузах и на 100% в продовольствии и предметах первой необходимости.

В приказе начальника ГУ СДС № 00127 от 25 ноября 1947 г. «О мероприятиях по оздоровлению лагерных контингентов УСВИТЛ МВД СССР» зафиксировано, что в 1947 г. имело место резкое увеличение смертности среди заключенных (9175 чел.), «значительное ухудшение их физического состояния» (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 195, л. 158). Из общего количества прибывших заключенных (36895 чел.) 17 тыс. относились к 3-й и 4-й категории труда и не могли быть использованы на горных работах. В целом по Дальстрою из 184 тыс. чел., занятых в производстве, 10% составляли больные и инвалиды, непригодные к физическому труду (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 113, л. 11).

Продолжительность рабочего дня для военнопленных устанавливалась 8 часов, с перерывами для обогрева. При нахождении мест работы на расстоянии более 3 км от базового лагеря потраченное на переходы туда и обратно время засчитывалось как рабочее. Пешие переходы более 5 км в одну сторону запрещались, и доставка осуществлялась только автотранспортом. Для военнопленных 1-й и 2-й группы, не выполнявших нормы, допускались сверхурочные работы, но не более двух часов. Имеющих 3-ю группу трудоспособности использовали на легких работах в подсобных цехах, в лагерной обслуге, и только в закрытых помещениях. Продолжительность рабочего дня для этой группы не превышала 4 час. От начальников предприятий требовали обращать особое внимание на «правильный учет труда каждого в отдельности военнопленного, на своевременную выдачу основных и дополнительных норм питания и денежного вознаграждения» (Там же).

В приказе ГУ СДС № 0082 от 15 декабря 1945 г. подчеркивалось, что премиальные вознаграждения для работников лагеря не будут выдаваться, если наряду с выполнением производственного плана имело место: уменьшение численности трудового фонда контингента за счет больных, ухудшения физического состояния военнопленных и роста их смертности. За несоблюдение установленных норм начальники предприятий и лагерей привлекались к строгой ответственности, вплоть до придания суду военного трибунала (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 186, л. 143).

Заключенные ИТЛ такими льготами не пользовались. В условиях смены контингентов и дефицита квалифицированной рабочей силы трудовой день заключенных удлинялся до 11–14 часов. На основное производство, погрузочно-разгрузочные и дорожные работы выставлялось максимально возможное количество людей, невзирая на их физическое состояние.

Заключенные 1-й и 2-й категории трудоспособности использовались исключительно на тяжелых работах. Физически ослабленные (3-я категория) также привлекались в основное производство и вспомогательные работы, но с уменьшением нормы выработки на 25–50% (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 204, л. 116, 117). Такая жесткая эксплуатация заключенных объяснялась тем, что поступивший в 1948 г. контингент (на 31 декабря – 34 тыс. чел. вместо 50 тыс. чел. по плану) только в незначительной части (до 7%) относился к 1-й катего-

рии труда, 2-я составляла до 65%, 3-я – до 28% (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 230, л. 19).

От медработников требовали «сократить» количество нетрудоспособных и больных, т. е. не выдавать освобождения от работ. В приказах ГУ СДС отмечалось «несерьезное отношение врачей к своим обязанностям», в результате чего в ряде подразделений образовался исключительно большой процент заключенных, отнесенных ко второй категории труда. Например, на ОЛП прииска «Туманный» – 57% к числу списочного состава, на ОЛП «Верхний Ат-Урях» – 58% и т. д.

В 1948 г. заключенные 2-й, 3-й и 4-й (инвалиды) категорий составляли по Горному управлению 34%, по другим управлениям – 17%. Руководство ДС потребовало (под личную ответственность начальников) провести повторное медицинское обследование всех заключенных 2-й категории и вернуть их на производство (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 222, л. 97).

Для военнопленных устанавливался особый рацион питания с «учетом национальных особенностей» и режим, не допускавший длительных (более 8 часов) перерывов между приемами горячей пищи. Во время работы они получали в пунктах обогрева дополнительно холодный завтрак, второе горячее блюдо и чай.

Расчет питания военнопленных по норме № 6 (общая) по отделению лагерей № 855-Д и заключенных УСВИТЛа (г/сут. на чел.)

Food calculation for prisoners of war by Norm 6 (general) in camp division 855-D and for USVITL detainees (g/day per capita)

Наименование	Рядовые военнопленные	Заключенные УСВИТЛа	Офицеры (военнопленные)
Хлеб	350	800	300
Рис	300	130	300
Крупа (мука)	150	10	100
Мясо	50	40	75
Рыба	150	120	80
Приправа	30	–	50
Жир растительный	10	24	5
Сахар	18	27	30
Чай	1,5	2	1,5
Картофель	500	650-овощи	400
Овощи	300		200
Соль	30	0,18	20

Источник: ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 1335, л. 5; д. 205, л. 4.

По приказу НКВД СССР и начальника тыла Красной Армии 1945 г. № 00117/0013 в лагерях Дальстроя японским офицерам дополнительно выдавалось 20 г жиров, 10 г сухофруктов и 15 шт. папирос в сутки. Военнопленным, работавшим в забоях Хасынского угольного района, по приказу МВД СССР № 0751 от 11 ноября 1947 г. полагалась надбавка – 300 г хлеба, плюс 25% сахара в сутки сверх общей нормы. Дополнительные увеличенные нормы хлеба и риса начислялись в за-

висимости от выполнения производственных заданий: при выработке 50% нормы – на 25 г, от 50 до 80% – на 50 г, от 101% и выше – на 100 г. Следует отметить, что нормы питания для заключенных ИТЛ, в отличие от норм военнопленных, не отражают реального положения и никогда не выполнялись в полном объеме.

Для поддержания нормального физического состояния военнопленных в лагерях создавались оздоровительные команды (ОК). В феврале 1946 г. ОК были организованы в лагере № 1 (МСМК) на 30 чел., № 3 (леспромхоз) – на 70 чел., № 4 (УШОСДОР) – на 50 чел. Отбором занималась специальная постоянная врачебно-трудова комиссия (ПВТК). В ОК зачислялись физически ослабленные военнопленные, страдающие алиментарной дистрофией, а также после выписки из лечебных учреждений. Срок пребывания в ОК устанавливался до 1 месяца. Военнопленные полностью освобождались от работы на производстве. Через каждые две недели проводился обязательный медосмотр. Горячая пища выдавалась 3 раза в сутки. Кроме этого, в обязательном порядке пленные получали ежедневно дополнительно пекарские дрожжи (100 г) и лечебные дозы мяса морзверя (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 188, л. 52–53). Установленный в ОК распорядок дня и рацион питания способствовали восстановлению физического состояния военнопленных.

Внутренний распорядок в оздоровительных командах военнопленных

Подъем	7.00
Уборка помещения	7.30–8.00
Завтрак	8.00–8.30
Медицинский осмотр и лечебные процедуры	8.30–11.30
Прогулка или отдых	11.30–13.00
Обед	13.00–14.00
Послеобеденный отдых	14.00–16.00
Уборка помещения	16.00–17.00
Прогулка	17.00–18.00
Ужин	18.00–19.30
Культразвлечения	19.30–21.30
Отбой ко сну	22.00

Источник: ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 188, л. 54.

При выписке из ОК военнопленным 1-й и 2-й категорий трудоспособности «в целях их постепенного втягивания в трудовой процесс» устанавливались пониженные нормы выработки сроком на две декады: в первую – 65%, во вторую – 80% нормы, считая их за 100%. Для имевших 3-ю категорию трудоспособности – рабочий день 4 часа и 50% от полной нормы (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 188, л. 52–54).

Для заключенных ИТЛ действовала другая система. В ОК и пункты профилактического от-

дыха (ППО) направлялись только хорошо работающие заключенные (ударники, стахановцы), систематически перевыполняющие нормы выработки. Категорически запрещалось направлять «отказчиков», «лодырей», «симулянтов» и «нарушителей лагерного режима». Срок пребывания в ОК и ППО устанавливался в две недели, без дальнейшего продления, только один раз в год. В ОК заключенные привлекались к легкому труду в обязательном порядке. В случае нарушения установленного распорядка или по окончании срока пребывания они немедленно выписывались из лечебного учреждения, вне зависимости от состояния здоровья, и направлялись на производство (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 222, л. 99, 100).

Например, 25 февраля 1949 г. в ОЛП Западного ГПУ прибыл этап из центральной больницы УСВИТЛа в составе 69 чел. В акте приемки командант ОЛП отмечал, что у многих заключенных есть завшивленность, нательное белье и верхние рубашки рваные и непригодны для дальнейшей носки. У 18 чел. алиментарная дистрофия и «упадок» питания, 11 чел. стационарные большие, подлежащие возврату в больницу. При медосмотре было установлено, что ряд заключенных выписан из лечебного учреждения и направлен на производство с тяжелыми заболеваниями – открытыми послеоперационными ранами, трофическими язвами, пороком сердца в стадии декомпенсации и т. д. (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 1364, л. 62).

Для заключенных Особого лагеря № 5 МВД СССР и каторжников оздоровительные команды не создавались (Там же, д. 222, л. 78, 79).

К военнопленным японцам такое отношение не допускалось. Их положение на Колыме нельзя назвать приемлемым, но оно не шло ни в какое сравнение с жизнью и условиями труда заключенных Севвостлага.

Производительность труда японцев, благодаря хорошему обеспечению лагеря продовольствием, одеждой и организации медицинской помощи, возросла с января 1946 по январь 1949 г. с 56 до 113,6% (ГАМО, ф. 23, оп. 1, д. 1335, л. 25). В докладе начальника лагерей № 855-Д майора Забавникова указывалось, что в конце 1948 г. «значительно повысилась выработка военнопленных, а открывшаяся торговая сеть внутри лагерей создала у военнопленных материальную заинтересованность. ...Такой рост... дал возможность... исходить из расчета выплаты военнопленным не ниже 150 руб. в месяц» (Там же, л. 23). Более того, в 1949 г. смета расходов на содержание военнопленных была значительно увеличена. Сумма премиальных вознаграждений возросла к уровню 1948 г. на 3477 тыс. руб., расходы на продовольствие – на 1778 тыс. руб., приобретение нового обмундирования – на 5872 тыс. руб., меди-

цинское обслуживание – на 2240 тыс. руб. Доходная часть отделения лагерей планировалась в сумме 24462 тыс. руб., а расходная – 41628 тыс. руб. Дотация составляла 17166 тыс. руб. Больничная сеть увеличилась до 210 стационарных коечных мест и пунктов амбулаторного приема 230 чел., временно освобожденных от работ (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 1335, л. 22, 23). Следует особо отметить, что уже в 1948 г. японские военнопленные (3003 чел.) были переведены на режим вольнонаемных рабочих. В плане распределения рабочей силы на 1949 г. указано, что «японцев, находившихся на военнопленном режиме содержания, на предприятиях ДС нет» (Там же, д. 1298, л. 224). Они получили право свободного передвижения, увеличения заработной платы (например, на шахтах до 1000 руб.), приобретения дополнительного питания и необходимых вещей в торговой сети Дальстроя.

Находясь в лагерях, японцы подвергались интенсивной идеологической обработке. Массовая политическая работа (доклады, лекции, чтение советских газет, просмотр кинофильмов) проводилась в обязательном порядке агитаторами из числа активистов. Сотрудники УМГБ ДС осуществляли оперативную разработку части военнопленных, представлявших интерес с точки зрения вербовки и причастности их в годы войны к разведорганам. По образцу лагерей для немецких военнопленных при отделениях был создан антифашистский комитет. Члены этой организации находились на привилегированном положении и получали за свою идеологическую работу (приказ Главного политического управления СДС МВД СССР № 0169 от 12 августа 1948 г.) дополнительно по 100 руб. в месяц. Из их среды формировался так называемый актив и сеть осведомителей.

Освобождение японских военнопленных из районов Сибири началось уже в 1946 г.*, а на Колыме в 1949 г. На 1 января 1949 г. в колымских лагерных отделениях насчитывалось 3479 военнопленных, в том числе 32 офицера. В ОЛП № 1 – 2303 чел. (14 офицеров), в ОЛП № 2 – 622 чел. (2 офицера), в ОЛП № 3 – 554 чел. (16 офицеров).

*4 октября 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц». 11 октября 1946 г. был издан приказ министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова № 00916 «О репатриации из СССР японских военнопленных», в котором предписывалось обеспечить репатриацию японских военнопленных, включая офицеров, из лагерей МВД в 1946 г. в количестве 25 тыс. чел., главным образом за счет лагерей, не подготовленных к размещению и использованию в условиях зимы 1946/47 г. В 1947 г. Совет Министров СССР принимает постановление № 418-186 с «О возобновлении репатриации из СССР японских пленников и интернированных гражданских лиц» (в количестве 160 тыс. чел.).

Группа «Б» (хозобслуга) составляла 244 чел., группа «В» (временно неработающие) – 223 чел., группа «Г» (внутрилагерные переброски) – 19 чел., группа «Д» (длительно больные и инвалиды) – 210 чел. Сокращение числа военнопленных с 3989 чел. в 1946 г. до 3479 чел. было связано с этапированием с Колымы в Находку (лагерь военнопленных № 380) 450 чел. и нахождением части японцев (в момент учета) во внутрилагерных перебросках на Колыме (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 160, л. 93). В мае 1949 г. списочный состав военнопленных составлял 3477 чел., из них работающих – 2863 чел., неработающих – 614 чел. На предприятиях г. Магадана было занято 2828 чел. Они работали в основном на вспомогательных работах, не сопряженных с большими физическими нагрузками.

Случаи смертности и травматизма среди японцев отмечались по причинам производственного (нарушения правил техники безопасности) или чрезвычайного характера (например, при взрыве пароходов «Генерал Ватутин» и «Выборг»). 19 декабря 1947 г. п/х «Генерал Ватутин» доставил на рейд порта Нагаева 3313 т тротила и аммиачно-селитровые взрывчатые вещества, п/х «Выборг» имел на борту 11238 шт. капсулей детонаторов, 5000 тыс. м бикфордова и детонирующего шнура и другие средства взрывания. В 9 ч. 25 мин. по неустановленной следствием причине взорвался п/х «Генерал Ватутин», а затем и «Выборг». В результате взрыва были уничтожены почти все склады и постройки порта, погибло 90 чел., в том числе 2 японца, ранено 535 чел., из них 51 военнопленный. На тушение пожаров и разборку завалов привлекались в основном японцы. Так, 22 декабря в порту работали 780 чел., из них 700 японцев (ГАМО, ф. 23, оп. 1, д. 197, л. 1, 3, 7, 8; д. 198, л. 155).

15 июня 1949 г. был издан приказ МВД СССР № 00585 (приказ начальника ГУ СДС МВД № 0237 от 26 августа) «О снятии военнопленных с объектов работ предприятий Дальстроя с 15 сентября 1949 г.». Распоряжением начальника ГУ СДС МВД СССР от 5 сентября 1949 г. № 047 вместо лагерей военнопленных организуются новые подразделения ИТЛ.

Имущество лагерей военнопленных передавалось Управлению Маглага. По приказу начальника ГУ СДС МВД СССР генерал-майора И. Г. Петренко № 0052 от 14 сентября 1949 г. личный состав военнопленных, включая офицеров, лагеря 855-Д был сосредоточен в ОЛП № 1 г. Магадана и лагпункте «Бермыс» (Березовый мыс) для подготовки к репатриации.

Переброска военнопленных, их личных вещей и продовольствия в пункты сбора осуществлялась 15 сентября на автомашинах (ГАМО, ф. 23 сс, оп. 1, д. 222, л. 82).

Японские военнопленные отбыли с Колымы на пароходе «Джурма» 22 сентября 1949 г. Пребывание японских военнопленных на Колыме в 1945–1949 гг. показывает, что советское правительство в целом выполняло основные положения международной конвенции по содержанию военнопленных. Находясь в лагерях Дальстроя, японцы не подвергались пыткам и унижениям, а режим их работы и бытового обеспечения в местах постоянной дислокации строго регламентировался постановлениями правительства, приказами и инструкциями НКВД / МВД СССР, направленными на сохранение их жизни и здоровья. Военнопленные бывшей японской армии с 1948 г. были приравне-

ны в правах к вольнонаемным работникам Дальстроя и находились в лучших условиях, чем заключенные УСВИТЛа.

ЛИТЕРАТУРА

Козлов А. Г. Японские военнопленные на Колыме (1945–1949) // Диковские чтения : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН. Н. Н. Дикова. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 226–234.

Райзман Д. С. Иностранцы – невольники Дальстроя. Иностранцы в исправительно-трудовых лагерях на Колыме и Чукотке. – Магадан : Ноосфера, 2009. – С. 129–152.

Поступила в редакцию 14.05.2013 г.

COMPARISON OF LABOR CONDITIONS OF THE JAPANESE PRISONERS OF WAR AND THE USVITL DETAINEES IN THE KOLYMA REGION IN 1945–1949

I. D. Batsaev

On the basis of archival sources, the legal status of the detention regime, conditions of work and life of the Japanese prisoners of war and the USVITL detainees in the Dal'stroy system of the USSR Ministry of Interior have been comparatively analyzed.

Key words: Dal'stroy, camp, prisoners, Japanese prisoners of war, camp regime, living conditions.